

- Я не знаю, я просто нашла его вот так.

- Вот так? Спящим?

- Я не знаю! Он никогда не спал раньше. ... Правда?

Гаара нахмурил брови, и голоса тут же смолкли. Он переместил свой вес - тяжело, вяло - и попытался понять, что именно заставляет ситуацию казаться странной. Что-то было, едва уловимо за пределами осознания, что-то...

Он не знал, что это было, но он не был готов следовать за этой мыслью. Его мысли были вялыми, слишком разрозненными, чтобы предложить ему какое-то объяснение. Может быть, он находился под действием какого-то наркотика? Нет, это не похоже на правду.

- Как ты думаешь, нам стоит позвать кого-нибудь?

- Я не знаю. - Наступила пауза. - Не похоже, что он сходит с ума.

- Заткнись! Он может тебя услышать!

... Чего бы Гаара ни ожидал, это не было случайным замечанием по поводу его сомнительной психической устойчивости.

Люди часто относились к нему настороженно - даже боялись. Этого нельзя было не заметить, учитывая его прошлое и репутацию, которую он заработал благодаря той роли, которую сыграл во время войны.

Война...

Его мысли, казалось, задержались на этом слове, желая погрузиться в ту область, которую Гаара не хотел пока даже прощупывать. Не здесь. Не сейчас, когда голоса говорили о нем так, как он не слышал уже много лет, говорили тихо, приглушенно, что говорило о том, что они не хотят, чтобы он их слышал, боятся его, боятся его.

Не тогда, когда они звучали так ужасно знакомо.

- Гаара? Ты меня слышишь? - Женский голос заговорил снова. На этот раз она звучала громче, хотя Гаара с замиранием сердца понимал, что она стоит на безопасном расстоянии от него. Слишком большое, чтобы его можно было принять за нечто иное, кроме как за намерение.

- Что ты делаешь?! - На этот раз это было не более чем шипение, исходившее от мужчины.

Гаара открыл глаза и увидел полумрак своей комнаты - своей старой комнаты, а не покоев Казекаге. Недолго поблуждав взглядом, он остановился на окне, сквозь которое пробивались последние лучи солнца перед наступлением ночи. Его глаза расширились, вбирая в себя открывшееся перед ним зрелище.

Перед его глазами раскинулась Суна. Суна, деревня, которую он не видел уже много лет. Не стоящей и целой. Не омраченную прошедшими годами.

Не все воспоминания о ней были приятными - почти ни одно из его детства не было таковым, - но Суна по-прежнему была его домом.

Гендзюцу было первой мыслью, которая пришла ему в голову, но его глаза нашли других обитателей комнаты, и все остальное было стерто из его сознания.

Его братья и сестры были молоды. Такие невероятно юные и невинные - слово, которое он никогда бы не применил к Темари, способной в худшие дни напугать взрослого джонина. Сколько же им было лет? Канкуро было не больше восьми, может, девяти. Темари была на год старше.

Сестра стояла ближе к нему - всего в нескольких шагах и смотрела на него широко раскрытыми глазами. На ней была повседневная одежда, достаточно тонкая, чтобы ей было комфортно под солнцем пустыни Суна, и ее фирменная прическа - песочные светлые волосы, собранные в четыре хвостика. В груди Гаары поднялась волна ностальгии. Она отказалась от этой прически после того, как шальная атака сожгла два хвоста, и после этого носила ее коротко.

Она упала, пытаясь вывести в безопасное место то, что осталось от одного из их отрядов. До него не доходило, насколько сильной опорой она стала в жизни Гаары, пока ее не стало. Набравшись решимости, он затолкал все воспоминания в самую глубину своего сознания, все эмоции, с которыми он не был готов (и никогда не был готов) столкнуться.

Канкуро стоял за спиной Темари, держась одной рукой за ручку двери, как будто хотел открыть ее и исчезнуть через мгновение, если понадобится.

Он был без макияжа и носил такую же одежду, как и его сестра, удобную для ношения в пустынной деревне, которая была их домом.

Канкуро умер всего через несколько недель после смерти Темари. Слепленный утратой и не в силах преодолеть горе, Канкуро с головой окунулся в одну битву за другой. Он не задумывался о собственной безопасности, не заботясь о ней до тех пор, пока она не убила и его.

Это было не что иное, как самоубийство, и Гаара знал это. Он понимал это.

А теперь они были здесь, дышали, были живы, и Гаара не должен был чувствовать ничего, кроме радости, бесконечного облегчения от того, что снова видит своих братьев и сестер, независимо от их возраста.

Если бы не то, как они смотрели на него. Взгляд их глаз сказал ему все, что он должен был знать: он был полон осторожности, беспокойства и ужасного, ужасного страха. Они боялись его. Они боялись того, что он может с ними сделать. Это было настолько далекое понятие, исходящее от его братьев и сестер, что Гааре потребовалось мгновение, чтобы осознать его.

Он поднялся со своего места в кресле, и Темари вздрогнула. Это было похоже на удар в живот.

- Э... Эй, Гаара! Ты в порядке? - Веселый тон Темари прозвучал так фальшиво, что Гаара вздрогнул. Улыбка на ее лице больше походила на гримасу, и он видел, как она напряжена, готова к действию - готова бежать из комнаты, как только Гаара сделает какое-то угрожающее движение.

- Я в порядке, - тихо ответил он, не доверяя своему голосу, чтобы сказать что-то большее.

- Ну... Отлично! Тогда мы просто оставим тебя! - Выражение лица Темари ничуть не изменилось от прежнего веселого, радостного тона.

Гаара ненавидел это. Он узнал его. Темари разговаривала с ним таким тоном уже много лет. Она пыталась успокоить его, пыталась не дать ему повода навредить ей и Канкуро.

Он кивнул, не желая заставлять их оставаться здесь дольше, когда было очевидно, как они напуганы.

- Хорошо! - Темари улыбнулась ему в последний раз и поспешила за Канкуро, который ушел, не взглянув на брата.

Гаара не мог их винить. Он откинулся в кресле, глубоко вздохнул и начал приводить в порядок свои мысли. Они все еще были в беспорядке.

Воспоминания назойливо лезли в голову, как назойливые мухи. Они сдерживали смутение и подозрения, вызванные тем, что он снова оказался в детстве, и Гаара впустил их, прежде чем они успели ускользнуть и оставить его ни с чем.

Еще одно поле битвы. Очередная победа, которая уже не казалась победой.

Слишком много людей погибло. Слишком много павших. Разве не ирония судьбы - вести войну, когда медленно, но верно не остается никого, кто мог бы радоваться победе?

В воздухе пахло кровью. Боль пульсировала в его теле, пронзительная, жгучая боль...

Гаара вздрогнул от призрачного ощущения. Он был ранен?

Кто-то кашлянул. Кто-то заговорил - хриплый, грубый голос выдавал слово за словом короткими, решительными толчками. Светлые пряди волос беспорядочно падали на тусклые серые глаза, которые должны были сиять почти ослепительным небесно-голубым цветом.

Наруто. Ни у кого не было волос цвета солнечного света, как у него. Где было место воспоминания? Все ли с ним в порядке?

Второй голос рядом с ними, гораздо более спокойный, чем следовало бы, учитывая их ситуацию.

Воспоминания Гаары оставили его там. Вторым человеком, скорее всего, был Шикамару. Они втроем путешествовали вместе.

Это было недолго. Он помнил, как был ранен. Он помнил Наруто и Шикамару рядом с ним. Он вспомнил... Планировали ли они? Может быть, именно поэтому его недоверие к своему положению было не больше?

В растерянности Гаара повернулся, чтобы посмотреть в окно на сюрреалистическую картину, которой была его родная деревня.

По улицам шла семья, две женщины и девочка, которая, возможно, была их дочерью.

Бродячая кошка рыскала по краю рынка, надеясь найти объедки, оставленные лавочниками, которые закончили собирать свои товары на вечер.

Группа деревенских жителей вышла из бара в одном из темных переулков. Грубые жесты переросли в толчки и удары, несколько жителей позволили втянуть себя в пьяную драку.

Гаара и не заметил, что улыбался, пока улыбка не сползла с его лица. Он не любил конфликты. Особенно такие бессмысленные, как разногласия между пьяницами. Ему хотелось самому спуститься туда, разогнать драку, собрать жителей и заставить их исчезнуть в облаке песка, раздавить, разорвать, сжать...

Гаара отпрянул от окна, его глаза расширились, а сердце забилось на несколько шагов быстрее.

Это были не его мысли. Это были не его мысли, не его желания.

Был голос, далекий и почти забытый, чувство возбуждения, ярости и жажды крови, голос, призывающий его действовать, убивать...

Глаза Гаары расфокусировались. Этого не могло быть.

Но теперь, когда он почувствовал это однажды, присутствие в его сознании было безошибочным. Оно было с ним большую часть его жизни, обмануло его детство, превратило его в кровожадного, неуравновешенного монстра.

Теперь он знал, что большая часть безумия демона была вызвана печатью, запершей его внутри Гаары, неполной и приносящей больше вреда, чем пользы, влияя на демона (и, как следствие, на его носителя).

Гаара вернулся к своему детству, к несовершенной печати, наложенной на его кожу, и голосу в глубине его сознания, шепчущему о необходимости крови.

Внезапно ему показалось весьма привлекательным найти того, кому пришла в голову славная идея прыгнуть во времени и сделать их первой человеческой жертвой Шукаку.

<http://tl.rulate.ru/book/60574/1566258>